

Потемнело речное стекло.

В подступившей к Уралу

прохладе

За предгорья крутое крыло

Безоглядное солнце ушло

И пропало в угрюмом закате.

И промчалась над миром, как рок,

Порождённая мраком комета,

Чтобы мир и ослеп, и продрог,

И расползся червями дорог

Во все тёмные стороны света.

Чтоб мерцали среди темноты,

В вероятность восхода не веря,

Только гул потаённой воды,

Только свет одинокой звезды,

Что роднит человека и зверя.

Как угрюмо вокруг и темно!

Только мрак подступает стеною.

Сколько лет мне искать суждено,

Не мелькнёт ли в дороге окно —

Путеводный огонь — предо

мною?..

И занялся костёр у реки,

В непроглядье стремясь

утвердиться,

Чтобы мчались к нему мотыльки

И склоняли друзья-рыбаки
Озарённые пламенем лица.
Чтобы шла круговая игра
Темноты и огня среди ночи.
Эй, костёр, подниматься пора!
Пусть рассказы звучат до утра,
Пусть сверкают бессонные очи.
Пусть видения жизни былой
Пробегают по пламенным лирам
И текут между светом и мглой,
Между ясным огнём и золой,
Между горним и сумрачным
миром.

Эй, костёр, ничего не тая,
Не жалеи вдохновенного пыла.
Пусть волнуется память моя,
Пусть костёр обступают друзья...
Помнишь, было?..

2

Перед чистым рыбацким костром
Наши тени шатаются косо.
Мы с друзьями сидим вчетвером
У размытого сумраком плёса.
А вокруг, чернотравьем дыша,
Вызревают ковровые росы,
И течёт разговор не спеша,
Прожигая во тьму папиросы.
Помнишь, было...
И вспомнится мне,
Как сазанья голодная сила
Так ворочала ил в глубине,
Что каменья наверх выносило.
Так хватала крюки тяжело,
Что стонали рыбацкие снасти,
Лески пели и лопались зло,
И хлысты разрывались на части.
Помнишь, было?..
Я помню, постой:
Вновь натянута леска до звона.
Он взметнулся, литой, золотой,
Над сияющим жиром затона.

И почудилось — сам водяной,
Мощью кованный, словно
подкова, —
И шнуром не удержишь такого!
Весь взрывной, в плавниках
кровяной,
Полыхнул, жемчугами горя,
Перекинулся слева направо!
И текла по затону заря
Родниково, вишнёво, кроваво...
Разговор оборвался, хитёр,
Он вплотную подходит к
расспросу.

Кто-то ветку подбросил в костёр,
Папиросой прижёт папиросу.
И пылают в прилившей крови
Озарённые пламенем лица.
И притихли вокруг соловьи,
Лишь ведут привороты свои
Темнота, зверобой и душица.
А из тьмы на такую игру
Фыркнул леший, ехидный и
хмурый.

Ночь вплотную склонилась к
костру
Загустевшей своей шевелюрой...
— Ну а дальше?!
— А дальше? Ах, да, —
Разговор возвращался к началу.—
Водяной...
— Он сорвался тогда?..
А над миром мигнула звезда
И, качнувшись, со звоном упала.
Промелькнула холодным углём
С неживым фиолетовым
свистом.

Соловей заиграл хрусталём —
Горловым, пересыпчатым,
чистым...
В эту ночь мы уже не уснём,
Нам усталость ещё не помеха.
И Володя Галан —
А на нём

Мрак живую играет с огнём —
Раскраснелся от жара и смеха.
Мы не знаем ещё наперёд,
Что меж нами не станет кого-то,
Что наступит внезапный черёд,
И Галан, не нажившись, умрёт
Через три перестроечных года...
А пока мы смеёмся, дымим
Под рыбацким своим
небосводом.

А Галан...
Он не будет одним —
Докучаев Володя за ним
Канет тем же трагическим годом...
Наши беды ещё впереди.
Мы ещё встречаемся с ними.
Пошатнутся былые вожди,
Покачнутся былые святыни.
По умам, по сердцам, по глазам
Потекут перемен вереницы.
Разомкнётся железный «сезам»,
Разрывая сердца и границы.
И, таща разболтавшийся груз
Ослабевшей, подорванной
власти,

Распадётся Советский Союз
На живые и мёртвые части...
Это будет,
Настанет пора.
Но пока мы не знаем об этом.

Вчетвером у ночного костра
Мы сидим несмолкающим летом.
Мы, смеясь, говорим до утра.
И несётся, сверкая, планета,
Беспокойна, прекрасна, щедра,
На скрещении зла и добра,
На смещениях мрака и света!

3
Это было как будто вчера
И пропало, как дым за спиною,
И сижу я один у костра,

Что шатается передо мною.
А вокруг дерева в темноте
Шарят ветками, словно руками,
Их незрячие тени — и те,
Как сомы, шевелят плавниками.
И гляжу я сквозь лиру огня,
И так явственно вижу отселе,
Будто молодость кружит меня
На весёлой своей карусели...
Это было как будто вчера...
И трещат обогранные сучья,
И вокруг золотого костра
Заплетается темень паучья.
Снова гляну сквозь пламя:
«Вы где,
Карусели мои расписные?»
Но бегут, как круги по воде,
Невесёлые думы иные
И вторгаются в чью-то судьбу,
Им гляжу я вослед бесталанно...
— Эй, кого там проносят в
гробу?

И узнаю в нём Вовку Галана.
В колыбели у вечного сна
Он лежит тяжело и недвижно,
А повсюду такая весна,
Что в цветении музыку слышно.
Жизнь давалась Галану с
трудом,

Но прожил он не даром на свете,
Где остался галановский дом,
А у дома — деревья и дети.
Это было как будто вчера,
Словно сбросив нелёгкую ношу,
Я в горящее горло костра
Говорящую ветку подброшу.
Охнет он
И другую судьбу
Озарит тяжело и неловко...
— Эй, кого там проносят в
гробу?
Там несут Докучаева Вовку.

Он, суровой зимою гоним,
Растворился в морозе и вьюге.
Но надёжно остались за ним
Дом, деревья и дети, и внуки.
Значит, мучился тоже не зря
И на свете прожил не напрасно.
А костёр, напряжённо горя,
Поднимается чисто и ясно.
Это было как будто вчера...

— Эй, друзья!..
Рыболовы!..
Задиры!..
И вокруг золотого костра
Замигают багровые дыры,
Громко выстрелит в ночь
головня,

Словно жаркое, веское слово,
И из тьмы притяженьем огня
Ярко выхватит Вовку Панова.
Он стоит, озареньем храним,
Жив-здоров, и ему не до скуки,
Ведь надёжно поднялись за ним
Дом, деревья и дети, и внуки.
А из тьмы непрерывно слышны
Чьи-то крики о траурных датах,
Об ошибках в реформах страны,
О налогах и о депутатах...

А во тьме нарастает грызния.
— Слушай, Вовка,
Ты носа не вешай.
Ну их к лешему!..
И у огня
Вдруг возникнет обиженный
леший.

Скажет он: «Зря ты так!
Ты всегда
Можешь лешему душу доверить,
Но не суйся с душой в города —
Там сейчас настоящая нечисть!..»
И пока я готовлю ответ,
Он вздохнёт тяжело и протяжно
И исчезнет...

Он леший иль нет?
Был иль не был?
А впрочем, неважно.
Снова ветку в костёр погружу
И взглянусь с беспокойным
вопросом —
Уж не сам ли я это лежу
На доске, с заострившимся
носом?

Под холодной угрюмой луной.
И стущается ночи трясина.
Я лежу,
И не видно за мной
Ни деревьев,
Ни дома,
Ни сына.
И не плачет никто надо мной —
Это точно не слышно отселе.
И катается кто-то дурной
На скрипучей моей карусели!
Сквозь костёр я взглянусь в
темноту:

Чья там зыбкая тень под луною?
И узнаю в ней женщину ту,
Что когда-то гуляла со мною.
Вот идёт она с кем-то другим,
Говоря обо мне что-то вроде:
«Был он с носом огромным
таким,

Словно чучело на огороде...»
И таким остроумным словом
Друг её обо мне отзовется,
Что она, розовея лицом,
Вместе с ним надо мной
посмеётся.

И, друг друга куда-то маня
(Будто просто на чашечку чая),
Заспешат они мимо меня,
Презирая и не замечая...
И тогда я восстану с доски!
И доска заскрипит сиротливо.
И от ужаса, и от тоски

Эта женщина вскрикнет
визгливо!

Я скажу ей с улыбкой:
«Пока
Я живой.
Не пугайтесь, Лолита.
Нос велик у меня.
Но доска —
Просто средство от
радикулита...»

Прощу и его, и её.
И, занявшись своими грехами,
Я горящее чувство своё
Пропущу через сердце стихами.
А коль станет совсем тяжело,
Средство есть и от этого тоже —
Значит, самое время пришло,
Чтобы вымолвить: «Верую,
Боже!»

Я прощу всё обидное —
Всем!
И к огню золотому прилягу.
И, чтоб стало спокойно совсем,
Суну в пламя сухую корягу.
И когда вознесётся окрест
Озаренье и снизится снова
(Словно памяти пламенный жест),
Та коряга восстанет, как крест,
Над костром раскаляясь багрово.
А костёр будет чисто гореть,
А я буду смотреть и смотреть...

4
И зарёю нальётся восток,
И, прорвавшись,
лавинообразный,
Безраздельного света поток
Устремится на Светлый, на
Ясный.

Пронесётся янтарной волной
Над обильно расцветенным краем,

Над равниной ржаной, росяной,
Соловьёвой и берестяной,
Над разбуженным Орском,
над Гаем,
Новотроицком, Кувандыком,
Соль-Илецком и над
Оренбургом.

Развернётся мгновенным
броском,
Доставая в движении бурном
До рябин в бузулукском бору,
До Абдулино, Бугуруслана...
На певучем уральском ветру,
Вовлекаясь в соцветий игру,
В скоротечность степного
тумана...

Как прекрасны родные края!
Неоглядны в былинном размахе!
Здесь глазастая юность моя
Щеголяла в цветастой рубахе.
Я с течением лет постигал
Ваш суровый уклад и поверья.
И уральский рассвет распускал
Самоцветные дивные перья
Над дыханьем степных городов
И селений Урала и Ори,
Над кудрями стозвонных садов,
Где вскипают вишнёвые зори,
Над вершинами дружеских уз
(Я друзей объявил поимённо).
И великий Советский Союз
Распускал огневые знамёна.
Не деля на своих и чужих,
Со словами о вере и чуде,
В двух эпохах поживший
мужик,

Я пришёл, озарённые люди,
Пожелать вашим будням тепла,
Колокольного мирного звона,
Чтоб в сердцах ваших вера жила
И заря восходила червенно.
Чтоб грузнели у вас закрома,

